

ПОСЛЕ РАЗВОДА. ВЕРНУТЬ ЖЕНУ

ЗЛАТА РОМАНОВА ЯНА НЕВИННАЯ

16+

Злата Романова

После развода. Вернуть жену

«Автор»

2022

Злата Романова

После развода. Вернуть жену / Злата Романова — «Автор», 2022

Я вышла замуж за отца-одиночку, дочку которого полюбила, как родную, готовилась родить нашего общего малыша, но перед самими родами муж выгнал меня, обвинив в измене, и развелся, утверждая, что наш сын не от него. Я смирилась и пыталась жить дальше, но однажды Демид снова появился на моем пороге, утверждая, что его дочь смертельно больна и, так как именно меня малышка Соня считает своей мамой, то я и должна находиться рядом, пока ей не станет лучше. Естественно я согласилась, ведь разлука с Соней все еще причиняет мне боль, как и тот факт, что моя малышка может умереть. Но кто же знал, что это будет так невыносимо - терпеть ненависть и презрение Демида к себе, а также наблюдать за его личной жизнью, ведь он уже встречается с другой, хотя именно меня упрекал в измене, которую я не совершала.

© Злата Романова, 2022

© Автор, 2022

Злата Романова, Яна Невинная

После развода. Вернуть жену

Глава 1

Демид

– Ты действительно собираешься взять в Израиль свою бывшую, а не меня? – возмущенно вопит мне на ухо Лора, когда мы подъезжаем к моему дому.

Я только что рассказал ей о дальнейших планах на лечение своей дочери.

– Успокойся, Лариса, – жестко осаживаю ее.

Красивое личико моей девушки тут же морщится. Она ненавидит свое полное имя.

– Это просто так неожиданно, – внимая предупреждению, меняет тактику хитрая лисица. – Я думала, мы поедем вместе. Ты же там проведешь столько времени! Как же я без тебя здесь останусь? Совсем одна.

Ага, как же! Уж кому-кому, а ей-то одиночество точно не грозит.

– Мне в любом случае будет не до тебя, – устало говорю ей, паркуя машину на своем месте в подземном паркинге. – Сама вспомни, когда в последний раз мы хотя бы ночевали вместе?

– Неделю назад, – дуется она.

Даже ее сегодняшний приезд – ее инициатива. Я так устаю, разрываясь между больницей, где лежит моя звездочка, и работой, что мне совсем не до своей девушки. Ни в физическом плане, ни в эмоциональном.

Мы выходим из машины и идем к лифту.

– Но почему ты хочешь взять с собой эту мошенницу? – продолжает напирать Лора. – Она же последние полгода вообще не виделась с Соней! Я думала, за такое время, дети забывают людей.

– Соне почти пять, если помнишь, – устало вздыхаю, проходя в квартиру. – Она не настолько мала, чтобы забыть свою мать.

– Тоже мне мать! – фыркает девушка, снимая шубку. – Я надеюсь, ты хотя бы не дашь мне повода для ревности?

Такой напор раздражает. Какое, черт возьми, право она имеет устраивать мне сцены ревности? Тем более, такой нелепой. Я скорее прикоснусь к ядовитой гадюке, чем к своей бывшей жене!

– Ты переходишь границы, Лариса.

– Не называй меня так! – визжит несносная девица. – Ты совсем не заботишься о моих чувствах, Демид! Я ведь с пониманием отношусь к твоей ситуации, но ты не делаешь и шага навстречу. Думаешь, меня не заботит здоровье Сони? Или я не люблю ее? Если ты не забыл, то я не посторонний для нее человек. И мне очень обидно, что Сонечка не хочет идти на контакт.

– Она болеет, Бога ради! – нетерпеливо рычу я. – Ты соревнуешься с ребенком? Девочка имеет право на капризы, учитывая ее состояние и все, через что она проходит. Если моя дочь хочет видеть рядом свою мать, то Эля будет рядом. Чего бы мне это не стоило. Потому что, если твой глупый мозг еще не осознал этого, Соня может не вернуться из Израиля!

– Ты не можешь так со мной разговаривать, – начинает плакать Лора, лишь еще больше приводя меня в ярость. – Я не собираюсь терпеть такое отношение!

– Тогда выметайся отсюда! – кричу на нее и она так и делает.

Подхватив сброшенную ранее шубу, выбегает из квартиры, театрально всхлипывая и хлопая за собой дверь, а я с яростью переворачиваю журнальный столик, оказавшийся на моем пути на кухню.

– Черт, черт, черт! Что мне, блин, делать!?

Вопрос риторический.

Глаза наполняются слезами бессильного отчаяния, потому что я с каждым днем вижу, что моя маленькая звездочка все больше угасает. Нам предстоит использовать последний шанс на ее выздоровление и ради благополучия своей девочки, я готов снова встретиться с женщиной, которую навсегда изгнал из нашей жизни, и забыть на время, что она мерзкая меркантильная предательница.

Ради Сони. Ради ее душевного спокойствия и поддержки морального духа, потому что моя маленькая девочка безумно устала бороться за свою жизнь и я просто не знаю, хватит ли ей сил для последнего, победного рывка.

Если присутствие матери поможет ей, то я готов потерпеть общество Эли. Видит Бог, это нелегко при наших обстоятельствах, но я засуну куда подальше свою злость и, стиснув зубы, притворюсь. Притворюсь, что не ненавижу свою бывшую жену. Что мне не хочется выдрать себе глаза, лишь бы не видеть ее. Что я цивилизованный человек, и могу общаться с ней нейтрально после всего произошедшего.

Однако, все летит к чертям, когда я тем же вечером еду к ней домой, чтобы рассказать о болезни Сони, и Эля открывает дверь, держа на руках маленького сына – плода своей измены.

Ребенка моего, черт бы его побрал, лучшего друга!

Правда, теперь уже, бывшего, но что это меняет? Один взгляд на этого, по сути невинного, малыша, и вся моя выдержка летит в трубу, обнажая кипящую ненависть к его родителям. Разворачиваюсь, чтобы уйти, но в последний миг вспоминаю бледное, изможденное болезнью, личико Сони и ее умоляющее «Хочу к маме».

«Нет, Демид, не время быть нюней, – говорю себе. – Это все ради Сони. Просто поговори с ней»

Когда я оборачиваюсь и вновь встречаюсь с растерянным взглядом Эли, на ее лице так явно проступает облегчение, что мне становится не по себе.

– Есть разговор, – сухо сообщаю ей и, когда она отступает от порога, прохожу в тесную убогую хрущевку, из которой забрал ее почти четыре года назад.

Эля

– Громова, зайди к Збруеву. И отчеты по актуальным контрагентам прихвати, – писклявый голосок секретарши финансового директора доносится до меня из трубки внутреннего телефона.

Вздвогнув, растерянно хлопаю глазами, слепо глядя на колонки цифр на мониторе. Он расплывается передо мной.

Рабочий день в самом разгаре, а я чуть не уснула за проверкой последней детализации расходов. Даже три чашки крепкого кофе не помогли. Кофеин не способен справиться с усталостью матери шестимесячного младенца, которая вынуждена работать полный день. После бессонных ночей. После вечных ссор с матерью, с которой ютимся в тесной двушке после моего развода.

Громова... Как же я хочу сменить ненавистную фамилию, чтобы ничего не напоминало о браке, о счастливых годах с Демидом, который безжалостно выбросил меня из жизни, поверив в гнусные наветы.

Отказался от нас с Димочкой. Лишил меня дочери, заставил окунуться в нищету, терпеть на себе снисходительные или жалобные взгляды, узнавать грязные сплетни. Изменила, нагуляла ребенка на стороне, бедный мужик...

Ни одной крупинки правды, от этого вдвойне обиднее.

Обида. Совсем не ее я испытываю. Я словно умерла изнутри, когда Демид разрушил наш брак.

С дрожью внутри подхватываю нужные папки с документами, прижимая их к груди. Я не плачу, слез не осталось, я плакала каждый день после родов, гуляя с коляской в непогоду по четыре часа.

Домой, туда, где злая мать нудила под ухом, возвращаться не хотела. Плакала ночью, глядя сладкие щечки сына, плакала, когда видела, как он всё больше становится похож на Демида. На отца, который его не принял. На мужчину, которого я так безмерно, так беззаветно любила, а он отказался от собственного ребенка. Посчитал чужим, а меня – изменщицей. Как он мог? Что за человек? Не человек – чудовище.

Я больше не жду, что он вернется, спустя полгода уже привыкла к пустоте и боли внутри.

Не представляю, что понадобилось от меня главному боссу. Может быть, я от усталости ошибок наделала?

Коллеги не обращают внимания, как я выхожу из кабинета, а вот начальница подзывает к себе:

– Эля, ты куда? Обеденный перерыв уже закончился.

– Павел Игоревич к себе вызывает.

– Да? Странно, – Ирина Михайловна откладывает в сторону очки и внимательно на меня смотрит. – Мы с ним сегодня все текущие вопросы обсуждали.

– Может быть, ему не нравится, что я часто на больничном? Но с маленьким ребенком это нормально...

– Эля, не переживай по этому поводу, – вздыхает она. – Ты же дома тоже работаешь по общей сетке, когда отлучаешься. Вряд ли дело в этом. Иди, а то он ждет. Расскажешь потом.

Забегала в туалет, чтобы в большом зеркале оглядеть свой внешний вид. Белая блузка, узкая черная юбка, черные туфли на высоком каблуке. Дресс-код в холдинге не предполагает свободного стиля, только юбки, блузки, костюмы или строгие платья. Приходится выкручиваться, потому что денег катастрофически не хватает, и покупать одежду только по скидкам.

– Проходи-проходи, Эля, – Павел Игоревич Збруев наш финансовый директор, не выходя из-за стола, показывает на кресло напротив. – Присаживайся.

– Вы просили принести отчеты, – занимаю указанное место, продолжая прижимать к себе документы.

Он на них даже не смотрит. Улыбается во весь рот, и совсем не нравится мне его улыбка. Какая-то гадкая, мне видится в ней подтекст, второе дно. Еще ни слова не сказал о цели моего визита, а я уже хочу уйти отсюда.

– Павел Игоревич... – нервно облизываю губы и складываю руки на коленях, не смотря на мужчину.

Глаза бегают туда-сюда по роскошному директорскому кабинету. О его хозяине разные слухи ходят: молодой, неженатый, любит говорить комплименты и имеет связь со своей секретаршей. А почему бы и нет, если они оба свободны? Только мне до этого нет никакого дела.

Директор откидывается на спинку кресла и крутит ручку возле рта осматривая меня с ног до головы заинтересованным взглядом. Напряжение ощутимо витает между нами.

– Тяжело тебе справляться Элечка, – говорит после паузы, сопровождая фразу вздохом.

Грудь мерно вздымается, голубая рубашка обтягивает широкие плечи. Збруев довольно-таки неплохо выглядит для мужчины за сорок. Спортивный, подтянутый, не лысый, но голубые водянистые глаза неприятно колют, как будто куском льда царапают по стеклу.

– О чем вы? – спрашиваю, не понимая, к чему клонит мужчина.

Его заботливый тон заставляет меня вскинуть подбородок и внимательно на него посмотреть. Слишком странная забота для начальника. Или он заботится о выполненной работе? После развода я откровенно не доверяю мужчинам и вижу подвох в каждом сказанном слове, нужно это прекратить и наконец выслушать то, что он мне скажет.

– Нелегко выйти на работу только что родившей ребенка женщине.

– Моему сыну шесть месяцев...

– А кто с ним сидит? Насколько я знаю, у тебя мама-инвалид?

– Она не инвалид, – поправляю мягко, – просто всю жизнь проработала на заводе по производству стекловолокна, а теперь получает пенсию, по вредности ее дают с сорока пяти лет.

– Не верю я, что пенсия большая... – морщится Збруев, слегка покачиваясь в кресле.

Что за странный допрос?

– Нам хватает, – сцепив зубы, отвечаю коротко.

– Эля, ты очень красивая женщина, и если бы была благосклонной, то твои проблемы решились бы.

– Благосклонной? – непонимающе хмурюсь, ощущая неприятный холодок, скользящий по позвоночнику.

Сжимаюсь, как натянутая пружина. А Павел Игоревич поднимается, проходит к двери, и потом я слышу тихий щелчок замка.

Он закрыл нас в кабинете!

Вскакиваю на ноги, не в силах сидеть на месте, и смотрю на него ошарашенным взглядом.

– Да, милая, можно даже из офиса не уходить. Очень удобно, – говорит, неприятно обшаривая меня глазами с ног до головы.

Хочется накинуть на себя мешок, чтобы стать непривлекательной для этого сластолюбца. Невыносимая ситуация, меня бросает в краску и даже тошнит. До того мне противно. Мерзко.

– Я не понимаю.

– Ты всё прекрасно понимаешь, – мужчина подходит ближе и обхватывает меня за подбородок, заставляя смотреть в глаза. Его голос отдает сталью, а глаза пышут жаром. – Ты после родов такая ладная стала, соблазнительная, грудь увеличилась. Все мужики по тебе сохнут.

– Меня это не интересует, у меня маленький ребенок.

– Ребенок, ребенок, заладила с этим ребенком! Няньку можно нанять, потом в садик отдать. А ты что, о себе совсем позабыла? Твой-то бывший, Громов, давно бабу нашел. А ты теряешься, Эля.

Он бьет по самому больному, и в груди тупо ноет, как будто вскрыли гнойную рану. Чужая женщина спит с моим мужем в одной постели и воспитывает мою дочку. Горький привкус скапливается во рту, но глаза сухие. Во мне лишь пустота.

– Меня это не интересует, – заявляю твердо, – Павел Игоревич, вы переходите границы.

– Я такое не каждой предлагаю. Подумай, Эля.

– Вы меня оскорбляете.

– А ты что, по мужу своему всё еще сохнешь? – выдает, будто разгадал причины моего отказа.

– В любом случае это не ваше дело. Если я свои обязанности правильно выполняю и без нареканий, встречаться нам не стоит.

– Иди, Эля, я тебе даю месяц на раздумья. Подумай, тебе ничего хорошего дальше не светит. Я знаю о твоих финансах всё. А так и удовольствие получишь, и финансовые проблемы свои решишь. Ребенка не обидим. Все-таки, не чужие друг другу люди.

Он мерзко подмигивает, а я с каменным лицом иду обратно на свое рабочее место. Понимаю, какой дурой была, когда думала, что он взял меня на работу без опыта по старой дружбе. А ведь когда я была женой Демида, даже кривого взгляда на меня не бросал.

Дальше работаю, не в силах сосредоточиться и обдумывая свое безрадостное положение. Устало плетусь домой, даже не думая, что этот день может стать хуже, но вечер заставляет забыть о событиях дня.

На моем пороге, впервые за полгода, объявляется бывший муж.

Глава 2

Эля

Закупка продуктов в магазине после работы позволила чуть позабыть отвратительную сцену в кабинете шефа, но стоило мне выйти на улицу, как мысли снова завертелись мощным вихрем.

Как мне теперь работать в этой компании? Павел Игоревич дал месяц на раздумья, но думать тут нечего. Он мне глубоко противен, как и все мужчины, и даже ради денег я не готова пойти на связь с ним. Как он со мной разговаривал? Цинично, невозмутимо, нагло. Так спокойно, по-деловому предложил свою «помощь» взамен на мои «услуги».

Он оскорбил меня как женщину, как подчиненную, как человека!

Если бы ухаживал, ненароком, временами оказывал знаки внимания, пригласил на свидание, кто знает, что бы вышло, а так он окончательно убедил меня в своей никчемности как мужчины.

Мужлан, гадкий шовинист, пользующийся своим служебным положением...

– Где ты ходишь? – мама, как всегда, встречает меня ворчанием.

Ребенка на ее руках нет, значит, он в кроватке. Димочку можно увлечь крутящейся музыкальной подвеской, но это вряд ли займет его надолго. Надо поспешить.

Для мамы моя занятость – не оправдание. Она отлично понимает, что я работаю ради того, чтобы обеспечить нам приличное существование. Не от хорошей жизни я бросила на нее маленького ребенка, в разлуке с которым страдаю каждую минуту. Но вместо того, чтобы благодарить, она щедро одаривает меня своим недовольством.

– Мам, я в магазине была, – ставлю полные пакеты продуктов на пол в прихожей, раздеваясь и спеша в ванную, чтобы скорее взять теплое нежное тельце сына в руки, потискать его, потешить.

Ужасно соскучилась! Так, что сердце колотится от волнения и хочется ускорить время.

Пока переодеваюсь в домашний светлый костюм и умываюсь, тщательно очищая лицо от любых следов косметики и убирая волосы в высокий хвост, мама разбирает продукты и тихонько ворчит.

– Целый день мать на ногах, света белого не вижу... Жизни нет... О, просроченный йогурт, Элька, ты куда смотрела? – заходит ко мне в ванную и тыкает прямо в лицо пластиковой банкой. – Ты же с цифрами работаешь, как проглядела? Ты и работаешь так, спуская рукава? А йогурт-то мне куплен, я бы с животом мучилась, а кто бы за ребенком смотрел, пока бы я с отравлением лежала?

– Мам, извини! Я домой торопилась, не заметила, – пытаюсь оправдаться, выхватывая из рук матери баночку и неся ее в мусорку.

Не думала, что попадусь на просрочку. Я вообще ни о чем не думала, ходила, как амeba, по торговому залу.

– Давай, давай, выкидывай продукты, денег-то у нас куры не клюют! – снова начинает свою песню мама, идя за мной следом шаг в шаг, так и норовя уколоть.

Всегда удивлялась ее способности раздуть из мухи слона.

Закипаю изнутри, чувствуя, что вот-вот и взорвусь, но держусь из последних сил, понимая, что надо перетерпеть – и она успокоится. Молча слушать, а не спорить, иначе можно браниться весь вечер.

– Денег мало, но просроченный есть же не станем. Мам, я буду внимательнее, обещаю! Ты иди отдохни, а я пойду к Димочке, – говорю миролюбиво, чувствуя, что ступаю по минному полю, ведь что ни слово, то нарываюсь на мамино недовольство.

Из-за баночки просроченного йогурта развела целый сыр-бор!

– Да что уж идти? Я из-за тебя начало фильма пропустила, теперь ничего не пойму. Надо раньше приходить с работы, или предупреждать, что ты задержишься! Я бы не стала планировать свой вечер.

– Мам, – прикрываю глаза, не в силах выдержать этот натиск злобы и вечного недовольства.

Оттого, что у меня нет поддержки и нет выхода из этой ситуации, хочется просто выть. А нужно терпеть, сжать зубы и терпеть.

– Что «мам»? Иди уж, я пойду к соседке, с ней хоть поговорю. Она на пирог пригласила. Говорит, ты, Марья Никитична, у дочки на побегушках, и нянька, и уборщица, и повариха, а тебе надо отдыхать и на диване бока отлеживать. Ты заслужила, двадцать лет отпахав на вредном производстве и заработав кучу болячек! Не думала я, что на старости лет придется с ребенком возиться.

«Я тоже не думала, – вспыхиваю изнутри, но внешне просто опускаю глаза. – Тоже не думала, что муж меня бросит, и мне придется вернуться к матери, выйти на работу и терпеть каждый день нервотрепку, укоры и прозябание в бедности. Я тоже света белого не вижу. А теперь еще и приставания начальника. Как же выйти из этого замкнутого круга?»

– Мам, я что-нибудь придумаю, – обращаюсь скорее к себе, давая твердое обещание решить эту ситуацию, потому что жить вот так невыносимо. Я не выдержу и сломаюсь.

– Что тут придумывать? К отцу ребенка иди с анализом ДНК. Пусть содержит сына своего! Что тебе с гордости твоей, Элька? Сильно она тебе помогла? Тебя оболгали, а ты и проглотила. Ноги об тебя вытерли и выбросили за порог, как щенка приبلудного. Поэтому и существуешь, а не живешь, и мать мучаешь. Ладно, я пойду, что я тут раскудаhtалась? Дураку хоть плюй в глаза, а он: это божья роса, – оставляя за собой последнее слово, покидает квартиру мама.

А я, отодвинув свои переживания на периферию, захожу в комнату, и израненное сердце излечивается от одного только взгляда на Димочку. Ради своего сына я вынесу и вытерплю всё что угодно! Он не узнает тяготы жизни, я не дам его в обиду никому.

Сладко пахнувший малыш агукает и вскидывает ручки, увидев меня. Беру его на руки и начинаю тихо рассказывать, как люблю его, как скучала. Обещаю, что он будет счастливым.

Примостив малыша на груди, усаживаюсь в кресло в большой комнате и для фона включаю телевизор. Не вникаю в происходящее на экране, а просто наслаждаюсь тишиной и единением с ребенком. Смотрю в его большие глазки, даже спустя шесть месяцев после рождения пытаюсь понять, на кого он больше похож, ведь мы с бывшим мужем оба кареглазые и темно-волосые.

Звонок в дверь звучит как небесный гром среди ясного неба. Очень неожиданно. Я никого не жду, а у мамы свой ключ.

– Сейчас посмотрим, кто к нам пришел, Буся, – разговариваю с малышом, держа его столбиком.

Открываю дверь, ожидая кого угодно, кроме... Демида. Но на пороге стоит он. Мой бывший муж.

Сердце пронзает осколками былой боли. Хотя... былой ли?

Демид Громов.

Все такой же, как прежде, но вместе с тем другой. Чужой, не мой. Опасный незнакомец, которого я боюсь. Не знаю, чего ожидать. Только стою и прижимаю к себе ребенка, ошетиниваясь, словно дикобраз. Пусть только попробует подойти!

Сначала бывший смотрит мне в глаза, его колючий злой взгляд леденит душу. Потом – на ребенка в моих руках. Ненависть клубится в его глазах, лютая и непримиримая. Ничего не изменилось, он пришел не за тем, чтобы признать своего сына. На миг Демид даже отворачивается и, кажется, хочет уйти, но потом снова смотрит на меня.

– Есть разговор, – коротко сообщает мужчина, делая шаг вперед.

Наглый, как всегда. Хозяин жизни, решивший, что имеет право распоряжаться чужими судьбами.

С лестничной клетки веет сквозняком, и мне приходится запустить бывшего мужа в квартиру. Но это только ради ребенка.

Нет, ради детей. наших детей, одного из которых он прячет от меня, а второго не признает.

Во мне все еще живет глупая надежда на то, что мы сможем договориться о совместной опеке, ведь я не хочу, чтобы сын рос без отца, а дочь без матери. Только поэтому душу в себе неприязнь и впускаю его.

Демид

Один взгляд на эту продажную тварь обжигает кислотой нутро. Проходя вслед за ней в комнату, не могу не заметить, как туго обтягивают штаны ее округлую попку. Огромный живот, который я целовал и гладил, думая, что в нем живет мой сын, исчез. Эля все такая же тонкая и изящная, как и до беременности, и ее привлекательность меня бесит. Как и то, что я это замечаю.

Она садится в кресло, держа на руках ребенка, на которого я стараюсь не смотреть, и выключает телевизор. Я устраиваюсь на диване, хотя, надеюсь, что разговор будет коротким. Не хочу проводить здесь больше времени, чем необходимо.

– Зачем ты пришел, Демид? – спрашивает бывшая жена и ее голос полон льда.

– Соня больна, – сообщаю я, решив вывалить на нее голые факты, без лишних эмоций. – У нее острый лимфобластный лейкоз.

– Что это? – выглядя испуганной, спрашивает Эля.

Какая хорошая актриса. Можно подумать, ей есть дело до моей дочери. Особенно теперь, когда она держит на руках ребенка от того, кого на самом деле любила все эти годы.

– Онкология, – сообщаю ей. – Она какое-то время провела в здешней клинике, но через два дня мы уезжаем в Израиль для новой, передовой терапии. Облучение и химиотерапия ей не помогут.

Эля выглядит глубоко потрясенной. Она вскакивает на ноги и подходит к кровати, чтобы положить ребенка. Когда она оборачивается, я вижу слезы, текущие по ее лицу, пытаюсь понять, неужели она такая хорошая актриса или любовь к Соне все-таки не была еще одним ее обманом.

– Скажи мне честно, Демид, – прерывающимся голосом шепчет Эля, заламывая руки. – Это опасно? Она... умирает?

– Это агрессивная болезнь и смертность высокая, – откашлявшись, отвечаю ей.

Самого душат эмоции, ведь я редко позволяю себе реально думать о наших перспективах.

– А шансы? Что за лечение? Что говорят врачи? – панически тараторит она, подходя ближе и вставая прямо передо мной, с ожиданием заглядывая мне в глаза. – Она ведь не умрет, правда?

– Нет, не умрет! – резко обрываю ее истерику.

Эля всхлипывает, даже не вытирая слезы, которые все продолжают течь, и прижимает руки к груди, у самого сердца.

Она похожа на гребаную страдающую Мадонну! Черт возьми! Как можно выглядеть такой красивой в подобной ситуации? И какого рожна я об этом вообще думаю!?

– Я пришел, потому что она хочет тебя видеть, Эля. Я готов заплатить любые деньги, если ты поедешь с нами в Израиль. Соне нужен стимул и она хочет, чтобы мама была рядом.

– К-какие деньги? – пораженно заикается Эля. – Ты что! Конечно, я поеду! Да куда угодно! Сегодня? Давай поедem к ней сегодня, Демид! Я так давно ее не видела!

– Сегодня с посещениями покончено, – чеканю я.

Не могу поверить в ее искренность. Как бы она не плакала, не могу. Эля – циничная и меркантильная. Она наверняка унюхала шанс урвать побольше, может, даже втереться снова в доверие, вот и импровизирует на ходу.

– Тогда завтра! – хватая меня за руку, умоляет эта вертихвостка с трогательно дрожащей нижней губкой. – Я должна ее увидеть, Демид! Ты так долго не пускал меня к ней!

Брезгливо стряхиваю ее руку, и она тут же напряженно подбирается, делая шаг назад.

– Я заеду за тобой к восьми, – сообщаю ей, вставая с дивана. – Обсудим подробности по дороге. И дай мне свой паспорт.

– Сейчас, – охотно соглашается Эля и бежит в другую комнату.

Из кровати доносятся кряхтящие звуки, но я игнорирую их. Случайно бросив взгляд в ту сторону, вижу, что ребенок сидит и, не отрывая от меня глаз, грызет какую-то фигню. Отворачиваюсь, потому что впервые вижу, до чего он похож на свою мать. И это больно, сколько бы я не убеждал себя, что больше не люблю эту изменщицу. Я и не люблю. Ненавижу ее!

Ненавижу не только за то, что она мне изменяла, не любила, но еще и за то, что отняла у меня ребенка. До самого рождения я считал этого мальчика своим. Я любил его. Разговаривал с ним, читал ему сказки, еще когда он был в животе у мамы. Дождаться не мог, когда он появится на свет. И что в итоге? Этот ребенок не имеет ко мне никакого отношения.

Когда Эля возвращается и протягивает мне паспорт, беру его, стараясь не соприкасаться с ее пальцами, и молча иду к выходу. Не прощаюсь, потому что не вижу смысла. Такие, как она, не заслуживают к себе человеческого отношения. Не хватало еще проявлять вежливость по отношению к паразитам!

Приехав домой, звоню медсестре, которая сегодня ночует с Соней. Я нанял двух профессионалок, чтобы они посменно дежурили у кровати моей малышки днем и ночью. Я и сам ночую у нее в больнице чаще, чем дома, но сегодня пришлось уйти из-за дела к Эле.

Полюбовавшись на спящую малышку через видеосвязь, кладу трубку и иду в душ.

В ту ночь я ворочаюсь в кровати впервые не из-за беспокойства о больной дочери, хотя оно никогда не исчезает, лишь иногда уходя на периферию, а из-за мыслей о своей бывшей жене. Вспоминаю нашу жизнь, снова и снова прокручивая в голове, задавая себе один и тот же вопрос: почему я был так слеп? Как мог не замечать их связи с Аликом, ведь именно он привел ее в нашу компанию? Невольно вспоминаю то время, когда мы еще не были вместе, и, как ни стараюсь, не могу вспомнить ни одной предпосылки к тому, что у Эли могли быть чувства к Панову.

Глава 3

Демид

Эля зацепила меня не своей красотой. Учитывая, сколько красоток вьется около нашей компании друзей, внешностью меня не удивишь. Поначалу, я даже не обратил на нее внимания. Ну, таскается эта первокурсница везде за Аликом и что? Парни часто приводят кого-то, и так же часто расстаются с ними.

Это случилось, когда я начал узнавать ее поближе.

Маленькая симпатичная брюнетка оказалась из тех людей, которые часто улыбаются. Просто так, без повода. Словно она всегда счастлива и наслаждается каждым моментом жизни. В ней нет ни капли агрессии, зато много умиротворения и довольства. Именно этим она меня и взяла.

Чертовой улыбкой!

Красивых девушек много, а вот таких счастливых – нет. Возможно, я так помешался на ней, потому что жаждал урвать кусочек ее счастья себе. Чтобы моя жизнь тоже стала такой – беззаботной, радостной. Ведь меня самого давно ничего не радует, кроме малышки-дочери, и я перестал чувствовать вкус жизни, словно мне не двадцать один год, а все сорок!

Каким же облегчением было узнать, что Улыбашка не девушка Алика и они всего лишь дружат!

– Наши мамы – подруги, – ответила на прямой вопрос Никиты, Эля. – Алик вроде как присматривает за мной, потому что мама – та еще паникерша. Никому не доверяет.

Она так простодушно признается в этом, без опасения показаться маменькиной дочкой, что я не могу сдержать улыбку. Как и парни. Давно подметил, что к ней все относятся снисходительно, потому что Эля похожа на маленькую наивную девочку, которую просто язык не поднимается задеть насмешкой.

– Так это же отлично! – радуется Никитос. – Раз я не перехожу дорогу другу, то, может, пойдешь со мной на свидание?

Я действую даже прежде, чем успеваю подумать. Встаю перед другом грудь к груди, загораживая свою Улыбашку.

– Не пойдет, – твердо сообщаю ему. – Эля со мной.

Все тут же начинают улюлюкать и свистеть, а Никита смотрит вопросительно на девушку, игнорируя меня.

– Это так? – задает он вопрос.

– Мне нельзя встречаться с парнями до восемнадцати, – растерянно глядя на меня и краснея, признается она.

Черт! Ей реально даже восемнадцати нет!?

– И когда же у тебя день рождения? – не сдается Ник.

– В январе, – отвечает она.

А сейчас лишь октябрь. Черт, не уверен, что у меня хватит терпения столько ждать!

– Ты ведь не променяешь меня на этих клоунов? – беря ее маленькую ладошку в руки, усмехаюсь я.

Она смотрит на меня большими карими глазами и смущенно кусает губку, переводя взгляд на Алика, стоящего рядом. Потом снова возвращается взглядом ко мне и, когда я целую ее пальчики, качает головой, соглашаясь.

– Мне пора на пару, – отбирая у меня руку, говорит малышка, очаровательно покрасневшая от комментариев окружающих о новой парочке.

Она сбегает, прежде чем я успеваю ее остановить, но глядя в ее удаляющуюся спину, я понимаю, что поступил правильно. Такие девушки, как Улыбашка – редкость, и их надо хватать, пока ее вниманием не завладел кто-то другой.

Я не планировал становиться отцом в двадцать лет, но так уж получилось. Матерью моей дочки Сони стала моя давняя знакомая, с которой у нас случались непродолжительные романы еще с тех пор, как мы учились в старшей школе.

К сожалению, Вера была той еще тусовщицей и умерла в автокатастрофе на незаконных гонках, когда малышке было всего два месяца. Я быстро оформил полную опеку, потому что ни за что не доверил бы Сони матери Веры, да та и не рвалась ухаживать за внучкой.

Постепенно, наша с дочкой жизнь установилась и вошла в колею. Я продолжал учиться, проводя с ней время по вечерам, а ночами отрываясь с друзьями и девушками. Соня круглосуточно находилась под присмотром сменяющих друг друга, двух нянь, и я даже не задумывался о том, чтобы искать ей мать, пока не втрескался по уши, как какой-то подросток, в свою милую Улыбашку.

Эля полностью изменила мою жизнь за короткое время и через два месяца после ее совершеннолетия, мы подали заявление в ЗАГС, потому что оба хотели одного и того же – жить вместе и быть семьей.

Улыбашка быстро нашла общий язык с девятимесячной Соней, и, они обе были в восторге друг от друга. Я же, как идиот, не видел и не слышал ничего кругом, заикленный на

маленькой обманщице, которая целых три года водила меня за нос, пока один случай кардинально не поменял нашу жизнь.

Если бы я знал, что за невинной и доброй на вид мордашкой может крыться такое коварство, я бы сто раз подумал, прежде чем безоглядно довериться и впустить в свое сердце женщину. Потому что вытравить ее из него не удалось, даже, несмотря на предательство.

Эля

Устраиваюсь в машине Демида на заднем сиденье, стараясь на него не смотреть. Но чувствую его взгляд на себе и ребенке. Он обжигает злобой и ненавистью. Явно недоволен, что я взяла сына с собой. «Отродье, отродье...» – так и слышу его слова, которые непрерывным гулом стоят в ушах.

Но я не могла оставить Бусю с мамой, проще было придумать несуществующее дело и уехать с ребенком.

Сжимаюсь и жду, что сейчас на меня выльется море упреков, но вместо этого слышу шум мотора. Демид заводит машину и плавно пускает ее по дороге. Прикрываю глаза и откидываюсь на сиденье, думая только о Сонечке, о маленьком солнышке, от мыслей о которой у меня перехватывает дыхание и становится настолько тяжело, что я задыхаюсь и едва сдерживаю слезы.

Но они не помогут, нельзя пугать малышку. Наоборот, нужно поддержать ее в такую трудную минуту. Она во мне нуждается. Иначе бы Демид не приехал. Выходит, в нем осталась капля человечности, раз он позволит нам увидеться.

«Особенно не обольщайся, Эля, – говорю сама себе, напоминая все факты предательства бывшего мужа. – Ты сама не веришь, что от Демида можно ждать что-то хорошее. Не после того, что он сделал».

В моей сумке спрятан подарок. Каждый раз, идя в магазин, даже зная, что это бесполезно и мне не дадут передать игрушку, я покупала ее. Книжку, заколку, шарик или яркую ручку с блокнотом. Все то, что может понравиться маленькой девочке.

Робкая улыбка касается моих губ. В мельчайших деталях представляю черты моей доченьки, пытаюсь стереть из памяти все плохое. Эти мысли помогают не сорваться, пока мы в напряженной тишине добираемся до больницы.

Семену за Демидом, чувствуя взгляды, обращенные на нас. Уверена, все считают нас счастливой семейной парой, но как же они ошибаются. Демид продолжает кидать хмурые взгляды, пока мы едем в лифте в сопровождении медсестры и проходим по коридору элитной клиники до палаты.

Сразу понятно, что это детское отделение. Яркие картинки с мультипликационными персонажами на стенах добавляют живости, но вряд они способны поднять настроение родителям больных детей хоть на один миг.

– Хотите, я подержу ребенка? – предлагает услужливая медсестра, замечая, как я оцепенела возле нужной палаты.

Аккуратно передаю ей малыша, радуясь, что он спит и не поймет, что его держит чужая тетя.

Открывается белая дверь, и я вижу две кровати по бокам светлой уютной палаты с телевизором по центру. Две девочки смотрят мультики про пони, и в одной из них я узнаю свою малышку. Свою маленькую булочку Соню.

Увидев меня, она замирает, как будто не верит своим глазам, а я, неловко спохватившись, кидаюсь к раковине. Ведь нельзя подходить к ребенку сразу после улицы. Сняв пальто и повесив его вместе с сумкой на вешалку в углу, тщательно намыливаю руки. Я всю ночь читала про эту страшную болезнь и теперь ищу признаки коварного недуга на лице девочки. Ее щечки уже не такие пухлые, как раньше, губки бледные, розовая пижама скрывает худобу. Глаза, точно такие же, как у Демида, смотрят прямо в душу.

Она такая серьезная и все еще не улыбается.

Делаю робкий шаг, чувствуя его присутствие позади. Он контролирует взглядом каждое мое движение, и это нервирует еще сильнее. Следующий шаг дается мне проще, а потом я почти бегу, хоть расстояние и небольшое. Осторожно, почти не дыша, присаживаюсь на кровать и обнимаю малышку, а она шепчет:

– Мамочка, ты пришла...

От этих слов сердце обливается кровью, лишь невероятным усилием удается не заплакать.

– Конечно же пришла! Я сразу приехала, как только смогла, – улыбаюсь, глядя свою девочку по волосам, не могу на нее наглядеться.

– Папа сказал, ты уехала далеко и не вернешься, – говорит тихо-тихо, почти не слышу и наклоняюсь, чтобы делиться секретами без свидетелей.

В эту минуту меня не волнует, что думает Громов. Есть только я и Соня.

– Папа так правда думал, но я вернулась, чтобы быть рядом с тобой.

– Я боюсь лететь на самолете, – доверяет мне свою тайну, хлопая глазками.

Мы крепко держимся за руки, и я сжимаю бледные пальчики, которые так хочется расцеловать.

– И я боюсь, – говорю с улыбкой, наклоняя голову. – Давай бояться вместе?

Соня прыскает в ладошку, смешно сморщив нос, и этот жест настолько родной и привычный, что я не выдерживаю, слезы брызгают из глаз, и я резко встаю, пообещав сюрприз.

Я так стремительно несусь к своей сумке, оставленной на вешалке, что не замечаю движение навстречу. Демид оказывается на моем пути, и со всего маха я врезаюсь в мужское тело. Бывшего мужа становится слишком много.

Он машинально обхватывает меня за талию и удерживает на месте, наши тела оказываются неприлично близко. Кажется, я слышу оглушительный стук собственного сердца и вскидываю взгляд. Полные черной ярости глаза мужа прожигают меня как лазеры. Опешив от этой концентрированной злобы, отшатываюсь и юркаю мимо Громова.

– Ты нарисуешь мне самолет и нас внутри? – протягиваю дочке блокнот и цветные ручки, полностью игнорируя присутствие Демиды, который сел на стул и следит за нашим общением.

– Я нарисую вас с папой... А можно я не буду рисовать Лору? – шепчет мне на ухо, отодвинув в сторону волосы.

Нежное детское дыхание касается мочки. От Сони пахнет ею. Сладкий аромат. Но при этом горькая – ощутимо веет лекарствами, и это режет меня без ножа, а когда доходит смысл ее слов, понижаю.

Лора. Чужая женщина, вторгшаяся на мою бывшую территорию. Хотя почему вторгшаяся? Ее любезно пригласил мой муж, считающий, что он имеет право на ответную измену. Или решивший себе ни в чем не отказывать? Не суть. Убеждаю себя, что меня это ничуть не волнует, и с удовольствием общаюсь с Соней, пока не приносят мое ревущее чадо.

На лице Демиды непередаваемое ощущение, но я не смотрю на него, а успокоив сына, показываю его личико подпрыгивающей от нетерпения Соне.

– Какой смешно-ой... – тянет слова девочка, осторожно протягивая руку, но потом убирает ее.

«Это твой братик», – рвутся с губ слова, но Демид прекращает наше общение, бесцеремонно утаскивая меня из палаты.

– Жди меня здесь, – кидает команду, как собаке, и устремляется в сторону конца коридора.

Наверное, хочет переговорить с врачом.

– Милейший ребенок, – улыбается медсестра, подходя ближе. – У вас чудесные дети. Поддержка семьи очень важна в выздоровлении, благоприятный фон между родителями...

Я не вникаю в ее речь. Не знаю, то ли медперсонал вышколен излучать вежливость и благодушие, то ли девушка сама по себе так мила, но мне невыносимо слышать слово «семья». Поэтому возвращению Демида я даже рада. Хотя следующие его слова стирают эту эмоцию.

– Я хочу, чтобы ты оставила ребенка в России. Тебе будет с ним неудобно ухаживать за Соней.

– Мне не с кем его оставлять, да даже если и так, он совсем маленький и нуждается в матери.

Не даю понять, как мне больно и обидно слышать эти слова. Молча иду вперед, и мы снова погружаемся в машину.

– Ты должна что-то придумать, – снова давит Громов, смотря прямо на меня с водительского сиденья. – К тому же детям вредны воздушные перелеты.

– Только не говори, что волнуешься за отродье! – фыркнув, отворачиваюсь к окну, давая понять, что разговор окончен.

На этот раз Демид нажимает на газ так сильно, что машину бросает вперед и нас вместе с ней. Но муж даже не извиняется, даже не смотрит на нас, с каждой секундой перечеркивая все добрые воспоминания о нем. Закрашивая светлое в темное...

А ведь сколько всего прекрасного было между нами! Даже не верится.

Глава 4

Эля

Я помню, как впервые посмотрела в глаза Демида Громова. Темные, с чертовщиной во взгляде. Но естественно, этот взгляд не задержался на мне, ведь я – никто, мелкая первокурсница, а он первый красавчик университета и похититель женских сердец.

Тогда сын маминой подруги Алик вечно таскал меня с собой. Присматривал по ее просьбе. А поскольку отказывать себе в привычных удовольствиях из-за своей роли няньки не собирался, то не побоялся представить меня своей потенциально опасной для невинных девочек, компании друзей.

Мажорам, богачам, тем, на кого смотрят с благоговением и дрожью в коленках.

По сравнению с длинноногими моделями, которые крутились возле этих парней, я чувствовала себя гадким утенком, который топчет чужую поляну. На меня так и смотрели эти важные лебеди, будто заклевать хотели. А я что? Я просто радовалась новым знакомствам и отличной погоде, а также тому, что не сижу взаперти. Та еще перспектива, если бы не покровительство Алика.

Мама так и сказала строго: «Либо ходишь вместе с Аликом, либо дома сидишь». Как послушная дочь, я подчинилась и смирилась, прекрасно понимая, что с мамой спорить бесполезно. Ходила рядом с Аликом, стараясь не мешать, слушала музыку, читала, занималась учебой и украдкой посматривала на парней. Не с интересом, не как охотница. Просто изучала их, как звезды на небосклоне, до которых никогда не дотянуться.

Да и не нужны мне были никакие парни.

До Демида...

Но он же сам подошел, я даже не думала о том, что привлеку внимание *такого* парня!

Заметила, как он смотрит на меня, когда ела мороженое. Тогда мне показалось, что огромная грозовая туча нашла на небо и заслонила солнце. Стало прохладно, но не от мороженого, а от этого пронизывающего насквозь, опасного, темного взгляда.

Не поняла, что делала не так, поэтому просто улыбнулась. Улыбка всегда была моим оружием и ответом всему миру на любые его проявления. Стоило растянуть губы в добродушной улыбке, и враждебность мира сходила на нет. Люди становились добрее и порой тоже улыбались.

Но не Демид.

Он стал еще мрачнее, а потом отвернулся. Внес в мои мысли суматоху и заставил обратить на себя внимание. Я ловила каждый поворот головы, любовалась широкими плечами и длинными ногами. Все парни в этой компании были как на подбор, и только он – особенный. Рядом с ним сильнее билось сердце и сбивалось дыхание, как будто грудь сдавливало тугим железным обручем.

А потом меня стали расспрашивать о парнях, но какие парни, если мне и восемнадцати нет? Шутили, наверное. Посмеивались над маленькой недотепой, которая таскается рядом и подпевает музыке в наушниках. Я это так и воспринимала – как шутку.

И когда стали за меня соревноваться, когда Демид смело сказал, что я буду с ним, а потом взял за руку...

Язык прилип к небу и по телу затанцевали мурашки. Кожа словно загорелась, и я вся стала будто бы вибрировать, чувствуя, как каждая клеточка тела отзывается на это простое прикосновение.

Сама не своя, я посмотрела в его темные глаза и опрометью убежала на пару...

Сердце так и колотилось.

Я еще не понимала, что навсегда отдала его этому парню. Безоговорочно.

– Влюбилась в Громова? Дура! – бесновался Алик, ероша светлый ежик волос. – Так и знал, что привел овечку в стаю волков. Что я маме твоей скажу?

– И ничего и не влюбилась, – сказала с дрожью в голосе, а сама нервно листала инстаграм Демиды, дико боясь увидеть фотографии девушек, но видела только его – вместе с маленьким свертком на руках.

У Демиды была дочка, оставшаяся от умершей девушки. Маленькая девочка с его темными глазами. Совсем крошка, такая трогательная и невинная.

Меня как пыльным мешком по голове ударили, так удивило наличие ребенка у этого молодого парня. Как? Почему? Что случилось с его девушкой? И он мне не сказал...

Сердце болезненно сжалось, и улыбка слетела с лица.

Я стала им интересоваться, ведь не будешь же напрямую расспрашивать. Алик злился и грозился все рассказать матери, но я по своей наивности и не предполагала, что у нас с Демидом может получиться что-то серьезное. Где я, а где он?

Кто же знал, что он, как грозный шквал, снесет мою жизнь с прежней орбиты и заставит все мое мироздание крутиться вокруг него?

Демид Громов стал центром моего мира, стал для меня всем. Не успела толком осознать, как оказалась в ЗАГСе, едва отметив собственное восемнадцатилетие.

Наплевав на недовольство мамы и брошенную учебу. Я все позабыла ради Демиды и Сонечки.

Мне хотелось сделать моего мужчину счастливым, а то, что у него осталась маленькая дочка, только усилило мои чувства. Воспринимала ее как частичку его, а значит, моя любовь удвоилась, и ее стало так безмерно много, что я щедро делилась с ними, отдавая всю себя.

Демид отвечал взаимностью, носил на руках, делал меня счастливой, мы даже не ругались никогда, как это бывает в любом браке, и даже наша молодость и незрелость не помешала, мы словно были созданы друг для друга.

Кто же знал, что все это кончится в одночасье и даже такой сильной любви не хватит, чтобы победить чужую зависть и ненависть...

Демид

Я помню тот день, когда назвал ребенка Эли отродьем. Не ожидал, что она запомнит именно это из того разговора, что состоялся у нас, когда я бросил ей в лицо правду о том, что все знаю, учитывая все произошедшее.

Да, называть так ребенка – любого ребенка, неправильно, но я сказал это на эмоциях. Какое право она имеет тыкать меня этим? Все еще играет в святошу. Помнится, когда мы были

вместе, она постоянно выговаривала мне и просила быть добрее и терпимее к людям. Каким же я был лопухом! Дышать на нее боялся, в голове все время билась мысль, что недостойна ее – такой хорошей, чистой. На деле же все оказалось просто хорошей актерской игрой, которую она пытается продолжать и сейчас.

Возвращаюсь в больницу после того, как отвез ее домой, и переговорив с врачом о перевозке, иду к Соне. К счастью, мою девочку можно транспортировать на самолете, так как я не поддаюсь уговорам здешних меркантильных уродов, наживающихся на чужом горе, и отказался от традиционного лечения. Иначе, кто знает, как ослабела бы Соня от химиотерапии. Конкретно при нашем диагнозе она не так-то эффективна, как при других формах онкологии у детей.

С удивлением нахожу в палате Лору, которая расселась на двухместном диванчике с видом королевы, неприязненно глядя на маму девочки Кати, которая делит палату с нами. Все еще недоумевает, почему я не снял вип-палату, но увидев, как Соня общается с этой девочкой, я подумал, что в компании другого ребенка ей будет лучше. И не ошибся. Соня ни в какую не хочет разлучаться со своей подружкой.

– Папочка! – радостно восклицает дочь, увидев меня. – Ты вернулся!

Подхожу к ней и целую в макушку.

– Как ты, малыш? – спрашиваю у нее.

– Холошо, – все еще немного картавя, отвечает дочка. – Тетя Лора принесла мне куклу.

Она указывает пальчиком на куклу в упаковке. Не открыла еще свой подарок. Значит, действительно сильно недолюбливает Лору. Зато дешевый блокнот от Эли все еще держит в руках.

– Какая красивая! Не хочешь ее открыть?

– Потом, – говорит моя упрямая девочка, качая головой.

Лора все это время сидит молча, прожигая нас взглядом. Она, как всегда, одета с иголочки, и видя, с каким откровенным презрением она смотрит на маму Кати, которая выглядит измученной и неопрятной, чувствую стыд за нее. Заметив на себе этот взгляд, Ира встает с кровати дочери и с оскорбленным видом задерживает штормку, разделяя палату на две части.

Черт, надо будет потом извиниться перед ней!

Лариса неплохая девушка, но в ней слишком много высокомерия. Я хотя бы точно знаю, что она со мной не из-за денег, потому что ее семья и сама не бедствует. Правда, не будь она тетей Сони, я бы вряд ли с ней сошелся. В тот момент я только узнал о болезни дочери и мне казалось, что присутствие рядом родной женщины ей будет полезно. К сожалению, они так и не нашли общий язык. Чужую женщину моя дочь предпочитает родной сестре своей мамы.

Конечно, Соня в курсе, что у нее были две мамочки и первая отправилась на небеса, да и с бабушкой и тетей она время от времени общалась еще когда мы с Элей были в браке, но девочка слишком мала, чтобы понимать все в полной мере. Я не могу пока объяснить ей причину разрыва с Элей. Она не поймет, что мама плохая. Что она жила с нами ради денег и на самом деле любила не папочку, а дядю Алика.

– А когда снова плидет мама? – словно читая мои мысли, спрашивает малышка.

Смотрит на меня большими карими глазками, кажущимися огромными на исхудавшем личике, и такая обреченная надежда в них, что дышать становится больно.

– Завтра, – отвечаю ей. – Мы все вместе полетим на самолете в путешествие. Ты ведь любишь летать на самолетиках?

– Да, – устало улыбается моя девочка.

Это весь энтузиазм, который сейчас имеется в ее крошечном теле. Каждый раз, вспоминая, какой она была до болезни, я размышляю, вернется ли Соня когда-нибудь к этому состоянию.

– Где носит ее медсестру? – подает голос Лора. – Мы сидим уже полчаса, а ее и след простыл. Если я не ошибаюсь, сейчас время обеда.

Смотрю на часы и вижу, что действительно настало время покормить дочку. Соня теперь ест по расписанию и только то, что приготовлено из одобренного врачами списка продуктов. Достая телефон, чтобы позвонить медсестре Юле, и вижу, что она прислала сообщение, что поднимется через пять минут. Какая-то задержка на кухне.

– Ты совершенно не умеешь подбирать персонал, – кипятится между тем Лариса. – Они просто недостаточно боятся потерять работу, если смеют вести себя подобным образом. Я вот никогда не потерпела бы...

– Успокойся, – обрываю поток ее негатива. – Юля прислала сообщение. У них задержка на кухне.

– Она все равно мне не нравится, – капризно тянет Лора.

Я едва сдерживаю усмешку. Ну, конечно, Юля ей не нравится, потому что та молодая и симпатичная девушка. Лора очень ревнивая и не терпит конкуренции. Хотя, против второй ухаживающей медсестры Светы она не имеет ничего против, потому что той скоро пора на пенсию. Однако, для меня ключевым моментом в подборе этих женщин являлось то, что они нашли общий язык с Соней. Моя девочка нуждается не только в профессиональном присмотре, но и теплом отношении от женщин, которые проводят с ней сутки напролет. Жаль только, что эти женщины не смогли заставить ее забыть о непутевой обманщице-матери.

Покормив Соню своими руками, я укладываю малышку спать и везу Лору на обед в ресторан. Хотя официально мой отпуск наступил вчера, мне нужно заехать в офис, чтобы кое-что доделать, но услышав это, Лора еще больше возмущается и после нашего обеда уезжает, заявив, что приедет ночевать ко мне. Я же все больше склоняюсь к мысли, что отдых друг от друга нам просто необходим, потому что она конкретно начала капать мне на мозг, лишь добавляя проблем в ту огромную кучу, которую я и так не могу разгрести.

Глава 5

Эля

– Она же маленькая девочка и серьезно болеет, мама! Я должна полететь, – раз за разом повторяю, но остаюсь неслышанной.

Споры об Израиле вымотали меня до предела, и я была даже рада, когда в гости пришел Алик. Встречаться с ним всегда было болезненным испытанием. Слишком его вид напоминал о тех счастливых временах, когда я начала встречаться с Громовым.

Алик тогда шутил, что не углядел за мной, подвел родителей, наших мам, которые дружили и вручили ему меня, не сомневаясь, что справится с молодой девчонкой.

– Здравствуй, Аличка! – мама мила и приветлива, как всегда и бывает во время его визитов. – Проходи-проходи, я пирог испекла. А Элька у нас знаешь что учудила? – начинает без предисловий. – Полетит с Громовым в Израиль, ради дочки его.

Выхожу на кухню вместе с Димочкой на руках, встречаясь с настороженным и осуждающим взглядом Алика. Он сидит за столом в нашей тесной кухне и даже не притрагивается к угощению. Косится на ребенка, и я вижу, как на его длинной шее дергается кадык. Алик высокий и худой блондин, и, когда встает, почти утыкается макушкой в люстру.

– Мама мне рассказывала, я поэтому и пришел.

– Уговори ее не лететь, – увещевает мама, а Алик ведет меня в комнату.

Там бегло осматривается и потирает руки. Потом устраивается на кресле, а я усаживаю сына в кроватку и играюсь с ним, показывая разные игрушки. Боковым зрением вижу, что Алик не сводит с меня взгляда. Не могу избавиться от неприятного чувства. Он мой друг детства, наши семьи не разлей вода долгие годы, его приход сюда как обычный визит родственника, но что-то не так.

Может, я лышу себе, но кажется, что смотрит на меня Алик вовсе не как брат. Или я придумываю? После грязных приставаний Збруева в каждом мужчине вижу угрозу.

– Ты хорошо подумала, Эль? – с ходу начинает он, поглядывая то на меня, то на ребенка.

Это нервирует. Сразу же возникает странное ощущение, и я беру на руки Бусю, чтобы защититься. Совсем с ума сошла? Почти родственника боюсь? Нервы ни к черту.

– Я не могу иначе, Алик, как до вас всех не дойдет? Сонечка мне как родная, я не могу... – запинаясь, потому что мне непонятно, к чему пояснять очевидное.

– Громов дал понять, что как раз таки неродная, отнял ее, а тебя... – Он тоже не договаривает фразу, и эти недосказанности витают в воздухе и оседают на нас тяжелым удушающим облаком.

Я знаю, что они с Громовым больше не друзья, и наше расставание тому виной. Он встал на мою сторону, пытался защитить, вразумить моего мужа, который считал нас любовниками, и я ему благодарна, но сейчас иду наперекор.

– Ты сильно рискуешь, Эля. Он может догадаться о правде. Забрать у тебя ребенка, – говорит отрывисто, челюсть стиснута, а кулаки сжаты. Что с ним?

Вздрагиваю, скованная страхом от одной только мысли, что это произойдет. Я знаю, что Громов в самом деле не погнушается отнять у меня Бусю. Пока он верит в мою измену, мой сын в безопасности, но в противном случае он его отнимет...

Руки машинально смыкаются на тельце ребенка, и я слышу тихий писк, он отдается во мне болью. Дыхание толчками вырывается из груди, и мне хочется прогнать Алика, чтобы он не озвучивал мои страхи, но я лишь вскидываю голову, уверяя и его, и себя:

– Этого не случится. Я приняла решение и беру на себя риски, – говорю строгим голосом, как судья при оглашении приговора.

Во взгляде Алика вижу сильное неодобрение, которое он и не пытается скрыть.

– Ты пожалеешь, вот увидишь! Потом наплачешься, но будет поздно.

– Громов слишком твердолобый, чтобы сомневаться. У него одна истина – я нагуляла ребенка с тобой, – горький смешок срывается с губ, и я опускаю глаза, вспоминая нелепые обвинения мужа в связи с нашим общим другом.

Как ему это в голову пришло?

– Я пытался ему объяснить, – зачем-то говорит Алик, заискивающе глядя на меня и подходя ближе.

Одну руку он кладет мне на плечо, а второй поглаживает ребенка по спинке, тот с изумлением и искренней радостью смотрит на чужого мужчину. Ребенок доверчив и открыт к любым контактам, он еще так мало знает о том, как много в этом мире зла.

– Не надо об этом вспоминать, все в прошлом, – глухо произношу, не поднимая взгляда.

Только чувствую, как сильно хочется стряхнуть тяжелую руку, терпкий запах мужского одеколона раздражает до того, что я чуть не передергиваю плечами.

Поскорее бы Алик ушел. Его визит тянется долгих полчаса, за это время он предпринимает еще пару попыток переубедить меня, но я остаюсь непреклонной, а когда закрываю за другом семьи дверь, выдыхаю с облегчением.

– Такой парень, а не женат, – мамин намек кристально ясен, и я с удивлением смотрю ей в глаза, замечая там привычное осуждение.

Присаживаюсь на стул на кухне и принимаюсь за чай. Мамин выпад даже не комментирую, но она рада стараться.

– Лида говорит, что он по тебе давно сохнет, готов с ребенком чужим взять.

– Так говоришь, как будто за это ему нужно памятник поставить.

– А чтоб и не поставить, Эля? Хорошие мужики на дороге не валяются, – качает головой, закатывая глаза. – В кого ты дура такая уродилась? Будешь одна лямку тянуть, пока я не окочурюсь или ты от усталости не загнешься. Ладно, ты меня не слушаешь никогда, все по-сво-

ему делаешь, я уже и перестала надеяться, что материно слово что-то значит, но ты пораскинь мозгами! Задобри Громова в Израиле, чтобы он ребенка признал, но не прощай, не вздумай! Замуж выходи за Алика, он будет тебя на руках носить, а бывший твой – алименты платить.

Я не могу сказать ей правду, поэтому просто не противоречу. Устала от перепалок, от ее вечного недовольства. Пусть думает, что я слушаю и на ус мотаю. А сама буду поступать, как лучше для меня и моего ребенка.

Демид

Еще во время учебы в универе, мы с моим другом Артуром решили начать свое дело. Оба являясь сыновьями состоятельных отцов, мы должны были влиться в семейный бизнес, но решили пойти своей дорогой в жизни и открыли вместе свой первый автосервис. Причем, с самого начала рискнули и замахнулись на элитное местечко. Он – используя трастовый фонд, а я – продав дом, доставшийся мне от бабушки по материнской линии.

Мамы к тому времени давно не было в живых, а отец не мог ничего сделать с собственностью, не принадлежащей ему. Он, конечно, злился и бойкотировал меня, но, когда мы стали финансово успешны, смирился. Когда же через год Артур трагически погиб в автокатастрофе, папа выкупил его долю в бизнесе, чтобы он принадлежал мне единолично. Я об этом не просил и даже не подозревал, но он преподнес подарок на нашу с Элей свадьбу.

Надо сказать, в Эле папа просто души не чаял. Долго не мог поверить и смириться с ее предательством, но тест ДНК, доказавший, что Дмитрий не мой сын, убедил его и развеял мои собственные, еще оставшиеся, сомнения. Я полностью ушел в работу после развода, реализовав проект, на который мне не хватало времени и желания приложить достаточно усилий. Когда дома тебя больше не ждет любимая жена, ты не хочешь возвращаться в этот дом. Вот я и потерялся в работе.

Надо сказать, открытие сети магазинов автозапчастей к тем пяти автосервисам, что уже у меня имелись к тому времени, не только помогли мне пережить случившееся, но и значительно увеличили доход. Я малодушно не смог продать дом, который купил для нашей семьи, но и находиться в нем больше не было сил. Поэтому, купил квартиру и переехал как можно скорее вместе с Соней, о болезни которой тогда еще не подозревал.

Однако, как только моя девочка попала в больницу, работа отошла на второй план и пришлось срочно искать доверенное лицо. Но и это не освободило меня в достаточной степени, потому что я не могу полностью доверить все своему заместителю. Я вообще никому не могу доверять после того, как узнал о предательстве жены и лучшего друга. А ведь ближе Алика мне не был даже Артур!

После того, как уладил последние вопросы перед отъездом в Израиль, еду домой, готовясь в очередной раз отшить Лору. Эта озабоченная идиотка никак не может догнать, что мне не хочется шалостей в таком состоянии эмоционального опустошения. Моя дочь, возможно, умирает, а ее глупый самолюбивый мозг не может этого понять. Я был полным идиотом, когда вообще ввязался в эту авантюру под названием «отношения» с ней. Она не может дать поддержку не только мне, но даже своей родной племяннице. А ведь именно с этой надеждой я вообще повелся на эту вертихвостку!

Заказываю ужин по дороге и, поднявшись в квартиру, сразу же переодеваюсь в спортивный костюм. Надо будет спустить пар в спортзале внизу – еще один способ утомить себя, чтобы заснуть и ни о чем не думать ночью.

Лора, которая, судя по шуму воды, застряла в ванной, выходит через добрых двадцать минут, когда курьер уже доставил еду. Она одета в полупрозрачное боди, выставяющее напоказ большую часть груди и ягодиц, отчего я чувствую лишь глухое раздражение. Снова пытается загнать меня в койку, а я снова мнусь, как нерешительная пятнадцатилетка. Тело невольно отвечает на призыв, но не слишком рьяно, зато мозг думает «А надо ли мне оно?» и приходит

к выводу, что нет. Не надо. Мне, походу, вообще от этой девушки ничего не надо, потому что она только и делает, что выносит мозг. Взять хотя бы вот этот момент.

– От тебя комплимента не дождешься! – капризно дует губки, вставая в позу. – А я, между прочим, для тебя старалась!

– Зря старалась, – нарываюсь на ссору. – Я поем и в спортзал.

Лариса багровеет от гнева, сжимая кулаки, словно вот-вот набросится на меня.

– Какой же ты грубый гад, Демид! Сколько можно? У меня такое ощущение, что ты просто используешь меня, как собачку для битья. Я тебе вообще нужна?

Она начинает плакать, на этот раз, ничуть не наигранно, и я чувствую укол вины. Нельзя так с девушками. Я и правда превратился в мудака.

– Извини, – вздыхаю, обреченно обнимая ее. – Я просто не могу думать ни о чем, кроме Сони.

Она цепляется за мои предплечья, продолжая всхлипывать.

– Я тоже о ней думаю, но ведь нельзя быть всегда на негативе! Ей это тоже на пользу не пойдет. Дети ведь все чувствуют! Разве ты не можешь немного расслабиться? Это ведь не делает тебя плохим человеком.

Снова за свое. Черт! Пора кончать с этим.

– Я не хочу тебя в данный момент, Лора, – говорю как можно мягче, отстраняясь от нее. – Я вообще не могу думать ни о чем таком. Эту часть меня словно отрезали. Если тебя не устраивают отношения с вечно занятым и стрессующим отцом-одиночкой, то я не буду держать зла. Расстанемся мирно. Все-таки, мы одна семья.

– Нет! – ужасается она, смотря на меня широко распахнутыми глазами. – Не говори глупости, Демид! Я же не озабоченная! Я просто хотела сделать, как лучше. Дать тебе немного отвлечься. Мне и самой, честно говоря, не очень-то и хочется. Я просто пыталась облегчить твою жизнь. Но раз так обстоят дела, то пойдем поужинаем. Я что-то устала сегодня. Не присоединюсь к тебе в спортзале, но на ночь останусь.

И почему у меня такое чувство, словно меня только что загнали в ловушку?

Глава 6

Эля

– Это Рита, профессиональная няня. Она будет заботиться о твоём сыне, – говорит Демид, в своей обычной диктаторской манере представляя мне миловидную блондинку в возрасте, с которой входит в тесную прихожую.

Невысокая полная женщина тепло мне улыбается и тянет руки к ребенку. Мама, видя эту картину, шумно фыркает и демонстративно скрывается в кухне. Она так и не одобрила мою поездку, громкие скандалы перешли в глухие упрёки, а когда меня уволили с работы, не желая давать отпуск, мама и вовсе устроила бойкот.

«Он тебе жизнь портит, а ты позволяешь! Еще и работу теперь потеряла. Все, я умываю руки!» – это последнее, что она мне сказала за сутки.

Вещи я собирала сама. Помогать она, естественно, не стала, а Буся, чувствуя мое нервное состояние, капризничал больше обычного. Приходилось постоянно носить его на руках и качивать.

Я валюсь с ног, почти не спала, поэтому вынуждена признать, что не откажусь от помощи няни. Хотя и непросто доверить своего ребенка чужому человеку.

Пока мы едем в машине до аэропорта, Рита расспрашивает о ребенке, и она действительно кажется мне профессионалом своего дела, много говорит о тех детях, которых нянчила, и о своих, которых уже вырастила.

В глубине души я вздыхаю с облегчением, но настроение тут же портится, когда в зеркале заднего вида замечаю напряженный взгляд Демиды. Тяжелый, суровый, подавляющий. Порой я

забываюсь, забота о сыне отвлекает меня от действительности, а когда прихожу в себя, замечаю, что он на меня смотрит. Изучает.

Что он ищет? Может быть, следы тех грехов, в которых он меня обвинил? Лучше уж тогда пусть посмотрит в зеркало...

Не знаю, почему он самостоятельно заехал за мной, а не поручил это водителю и не поехал вместе с Сонечкой. Ее привозит в аэропорт бабушка вместе с двумя медицинскими работниками. У моей малышки целая свита, а она со всех ног несется ко мне, никого не замечая вокруг, и утыкается лицом в живот, крепко-крепко обнимает меня за талию, рассказывает столько всего, что я и запомнить не успеваю. Моя сладкая булочка. Без конца улыбаюсь, чувствуя себя пальмой, на которой висят маленькие обезьянки.

На расстоянии от меня стоит бывший свекор. Он сыграл немалую роль в нашем разводе с Демидом и, конечно же, принял сторону сына. Его взгляд излучает лютый холод, я вижу, что он с трудом сдерживается, чтобы не подойти и не оторвать от меня внука. Демиду и его отцу пришлось пойти на сделку с самими собой, со своей гордостью и обидами, чтобы позволить девочке быть с той, кого она считает настоящей матерью.

– София, надень медицинскую маску обратно, – слышу строгий голос свекра. – Здесь много микробов, – говорит он и почему-то смотрит на меня, как будто бы это я зараза, несущая угрозу жизни ребенка.

Аэропорт заполнен множеством людей, все куда-то спешат, постоянно объявляют время перелетов, мимо едут тележки с багажом.

Во всей этой кутерьме я стараюсь держаться поближе к Демиду, делаю это неосознанно, это просто привычка, фантомная память, а может быть, просто человеческий инстинкт – искать защиты у более сильного.

И наверное, именно такой инстинкт заставляет Демиду в какой-то момент приобнять меня за талию, чтобы нас с Бусей не сбили с ног. Оказавшись в кольце рук, замираю, сердце колотится на разрыв, а дыхание останавливается. Не верится, что Демид это сделал, обнял меня и защитил, и на его лице я замечаю точно такое же недоумение, как у меня. А потом он отстраняется, и его лицо становится каменной маской. Все возвращается на круги свое, и мне даже кажется, что я сама себе придумала наше мимолетное столкновение. Вот только я не хочу, чтобы Демид оказывался рядом, пусть держится подальше. Но почему тело все еще не отпускает дрожь?..

В самолете мы занимаем отведенные места, и я постоянно рассказываю Димочке про его устройство, показываю разные кнопки цветные наклейки – отвлекаю его, потому что в непривычной обстановке ребенок заметно нервничает. Хочу, чтобы он наигрался, уснул и спал все время перелета, потому что я знаю, что дети из-за перепадов на давления на высоте сильно плачут. Сонечка, которая уже не раз летала, помогает, с восторгом болтая с маленьким братиком, ласково целует его пухлые пальчики и жметя ко мне со счастливой улыбкой.

– Он и правда Буся, мама! – хихикает она, услышав, как я его называю. – Буся, Бусечка...

Чувствую гордость от того, что моя булочка начала все чаще правильно выговаривать букву «р», с которой мы намучались в прошлом. Дети в садике дразнили Соню и она очень переживала, мы как раз начали водить ее к логопеду, когда Демид так жестоко развелся со мной.

Демид, сидящий через проход рядом с няней, усиленно игнорирует нас, уткнувшись в какую-то книгу про автомобили. Вскоре Соня устает, и откидывается на спинку, не отпуская ладошки Димочки, который и не думает успокаиваться. Я пытаюсь отвлечь его любимой игрушкой, которую можно погрызть, укачиваю на руках. Вот только проходит время, а он не засыпает, перевозбудился от общения с сестрой и скопления народа, и теперь его очень сложно усыпить.

– Давайте я его подержу, а вы можете пока отдохнуть, – предлагает няня, а мне действительно хочется сходить в туалет и умыться.

Из меня так и рвется вопрос о том, справится ли она, но я понимаю, что это неуместно и невежливо. В любом случае мне придется доверять ребенка этой женщине, пусть привыкают друг к другу.

Очередь перед туалетной кабинкой задерживает меня на добрых двадцать минут. А когда я возвращаюсь... С замиранием сердца наблюдаю следующую картину: Демид держит на руках спящего Бусю, няня сидит с таким видом, как будто бы она здесь ни при чем. С одной стороны, я ее понимаю: вряд ли бывший муж рассказывал ей о хитросплетениях наших отношений. Наверное, она вручила ему ребенка не подумав.

С другой стороны, я совершенно не представляю, как это произошло. Внутри все сжимается от страха. Меня даже пошатывает, и я вцепляюсь в спинку кресла, не зная, чего больше бояться: того, что Демид причинит малышу боль, или того, что он разглядит в нем свои черты и догадается о правде.

Демид

Всегда терпеть не мог свою мегеру-тещу, так что даже удивлен, когда она не закатывает скандал при моем появлении. К счастью, из квартиры Эли мы уходим, не успев прийти. Она уже полностью собрана и готова к отъезду.

Изначально я планировал нанять няню для ее ребенка в Израиле, но, подумав, пришел к выводу, что надежнее взять с собой человека, в компетенции которого уверен на все сто. Если там что-то не сложится, пострадает в первую очередь моя девочка, потому что Эля полностью сосредоточится на своем сыне, а я помню, как много внимания требуют дети в этом возрасте.

Сначала обратился к бывшей няне Сони, но та ушла на пенсию, зато посоветовала свою подругу Риту, у которой имеется большой стаж и за которую она может поручиться головой. К счастью, Рита согласилась переехать на неопределенный срок, так как я предложил ей солидное жалование.

Папа, который настоял на том, чтобы сопровождать Соню в аэропорт, чтобы как следует попрощаться с внучкой, явно едва сдерживается, глядя на Элю. Она очень сильно его разочаровала, так что, узнав правду, он не то что говорить – даже смотреть на нее не мог.

Как только мы устраиваемся в самолете, сын Эли тут же начинает нервно крутиться. Я игнорирую их, уткнувшись в книгу, но слышу, как они воркуют, и безусловная любовь Сони к этому «братику» меня дико задевает. Однако, когда Эля передает его сидящей рядом со мной няне и уходит в туалет, обратить внимание невольно приходится. Потому что пацан начинает орать как резаный уже через пару минут.

– Ну что же ты, маленький! Успокойся, малыш, – воркует няня, раскачивая его на руках, но тот даже не думает успокаиваться.

Лицо покраснело, а крошечные ручонки сжались в кулачки. Ребенок надрыдается, выплевывая соску и даже бутылочку с водой. Где, черт возьми, носит Элю!?

В конце концов остальные пассажиры первого класса начинают возмущаться.

– Да заткните вы его уже! – раздраженно вопит сидящая впереди дамочка.

Потеряв терпение, я рывкаю на нее, что сам знаю, и поворачиваюсь к няне.

– Дайте мне его.

Неуверенное выражение ее лица даже коробит. Она в курсе, что Эля моя бывшая жена, а это ее сын, к которому я отношения не имею, и нас связывает лишь дочка. Но обращаться с детьми-то я умею!

Когда Рита осторожно передает мне ребенка, на миг, от ощущения давно забытой тяжести младенца на руках, у меня перехватывает дыхание. Я обхватываю маленького крикуна, ловя в ловушку своего тела его руки, которыми он беспорядочно размахивает, и принимаюсь

не спеша убаюкивать, держа в неподвижности. Помню, как успокаивалась Соня, оказавшись туго спеленатой.

– Ну-ну, покричал и хватит, – строго говорю ему. – Успокаивайся, пацан, а то дама перед нами грозит отправить тебя в эконом-класс.

Вижу, как вышеупомянутая дама спереди бросает на нас еще один грозный взгляд, прежде чем отвернуться, и продолжаю болтать все, что приходит на ум.

Малой продолжает плакать еще пару минут, но я не перестаю качать его из стороны в сторону, крепко обхватив маленькое тельце, пока он, наконец, не затихает. Посмотрев на заплаканное личико, которое инстинктивно избегаю уже который день, невольно вздрагиваю, поймав на себе взгляд сонных карих глазенок, которые то закрываются, то снова распахиваются, словно он сопротивляется сну.

Няня тянется к нам и мягко вытирает мокрое личико салфеткой, оперативно отвлекая его соской, которой тот с удовольствием начинает причмокивать, уплывая в сон. Хочу положить ребенка в специально отведенное для него место, но понимаю, что, пока Эля не устроится на своем кресле, сделать это проблематично.

Черт! Не хочу, чтобы она видела меня со своим ребенком на руках. Я бы вообще его не взял, если бы он не мешал людям своим ревом. А ведь предполагалось, что с нами едет компетентная и опытная няня, в чем я теперь сомневаюсь.

– Возьмите его, – говорю ей.

– Он проснется, Демид Дмитриевич, – отказывается Рита. – Подождите пять минут, пока покрепче заснет.

– Какой он миленький, когда спит, – устало замечает Соня, полулежа на своем сиденье.

Снова смотрю на ребенка, который вроде и спит, но соской во рту дергает время от времени. Он действительно милый малыш. Смешной такой, с немного оттопыренными ушками.

Я всегда любил детей. Никогда не отказывался поддержать братьев и сестер своих друзей в детстве и в подростковом возрасте, сам просил папу жениться и родить мне брата. А когда родилась Соня...

Она никогда не была для меня обузой, хотя я, как и другие парни, хотел лишь празднично проводить время, тусуясь в клубах и снимая девчонок. Даже когда Эля забеременела, именно она была той, кто боялся и испытывал сомнения. Я был в восторге. С самого первого дня.

Я так ждал этого малыша. Так любил его. И сейчас держу в руках крепенькое шестимесячное существо, которое уже понимает окружающий мир и смотрит с любопытством, а не бессмысленным пустым взглядом, как в первые дни после рождения. Он, наверное, уже узнает людей. Маму, из-за отсутствия которой так плакал. Папу... Алика. Чертового Алика, который является его отцом на самом деле!

Внутри свербит от горечи, и я быстро отвожу взгляд, замечая возвращающуюся Элю. Она замирает, смотря со страхом то на своего сына, то на меня, словно я могу что-то сделать с ним. Дура! Неужели считает, что я могу причинить боль ребенку?

– Забери его, – нетерпеливо рявкаю на нее, и она быстро тянет ко мне руки.

Ее длинные волосы, собранные в хвост, на секунду задевают мою щеку, забивая нос ароматом жимолости, и мне хочется оттолкнуть ее, потому что этот запах все так же воздействует на ту часть меня, которая никогда не могла устоять перед ней. Я замираю, не дыша, пока она аккуратно забирает ребенка, и выдыхаю, только когда Эля отходит к своему месту, укладывая ребенка и устраиваясь сама.

Тут же снова утыкаюсь в книгу, ничего не видя перед собой, и клянусь все на свете за то, что все еще считаю ее желанной. Однако только в физическом плане. Это всего лишь химия, не имеющая ничего общего с чувствами. Потому что чувствую я к ней только одно – ненависть.

Глава 7

Эля

В Израиле Демид снял для нас всех квартиру. Услышав эту новость в такси, удивленно смотрю на него. Я ожидала, что мы будем жить в разных номерах в отеле, а теперь выходит, что окажемся в одном жилище, совсем рядом...

Доезжаем до двухэтажного дома и поднимаемся в большую комфортабельную квартиру. Места хватит и для меня с ребенком, и для няни, и для него самого. После изматывающего перелета мне хочется только спать, а перед этим принять душ и привести себя в порядок. Я наконец-то в полной мере ощущаю, что такое помощь и поддержка квалифицированной няни, которая может взять у тебя ребенка без упреков и с большой охотой.

В самолете, пока Сонечка так увлеченно играла с братом, я на время позабыла об ее тяжелом состоянии, но, как только мы прибыли, я заметила, как живой счастливый ребенок становится сонным, вялым и бледным. Потухает, как свечка.

Медицинские работники забрали ее в больницу прямо из аэропорта. Я сначала запаниковала, но мы поехали следом. Пока няня кормила Диму из бутылочки в комнате ожидания, мы с ее отцом, успокоили и уложили дочку спать, пообещав прийти к тому моменту, как она проснется. Нужно было еще разместиться самим.

Демид вызвал такси и повез нас на квартиру. С этого момента он стал мрачным, и если раньше хотя бы разговаривал, то теперь ушел в глухую оборону. Ни на что не реагирует, а из его комнаты не доносится ни звука.

Я думала, что он спит, но он просто пугающе долго смотрит в одну точку, стоя у окна со стиснутыми кулаками. Я уходила в душ, он так стоял – я видела в распахнутую дверь, а потом, когда вернулась и села в кресло снова читать статьи про болезнь Сонечки, ничего не изменилось.

Напряженная спина, застывший в полумраке мужчина и вязкая осязаемая тишина, которая угнетает и придавливает к земле. Даже захотелось, чтобы проснулся Буся, потому что суета вокруг ребенка помогает отвлечься. Когда я смотрю в любимое лицо сына, во мне растет и крепнет вера, что мы справимся с этой бедой.

«Мы» проносится в сознании и болью отдается в сердце. Нет никаких мы...

Наконец, Демид меняет позу, как будто очнувшись. Проходится по комнате, собирает кое-какие бумаги в портфель и идет на выход.

– Демид, ты в больницу? – догоняю его, говоря пониженным голосом, ведь ребенок еще не проснулся.

Бывший муж нервно дергает плечом, словно хочет стряхнуть помеху.

– Иди к ребенку, Эля, – произносит сквозь зубы, не смотря мне в глаза.

– Я хочу поехать с тобой, – настаиваю, взволнованно хватая сумку и верхнюю одежду. – Няня присмотрит за Димочкой.

– Я поеду один, – Демид непреклонен, желваки на щеках играют, зубы стиснуты, он уже все решил.

Как же мне уговорить его?

– Я хочу послушать, что скажет врач. Хочу знать, что это за передовая технология, а когда Соня пойдет на анализы, хочу ее сопровождать.

– Я справлюсь сам, – снова не дает подступить к себе.

Но я не намерена сдаваться, мой голос приобретает твердость, хотя на самом деле я дрожу и боюсь такого Громова, отлично зная, каким он бывает в гневе.

– Я приехала сюда не для того, чтобы сидеть с ребенком на съемной квартире. А ты зачем нанял няню? Ведь для того, чтобы она меня освободила, и я могла заняться Сонечкой.

– Во время процедур...

– Но ей страшно сейчас! В новом месте, с незнакомыми людьми. Она звала меня, Демид, свою маму... – осекаюсь, понимая, что в любой момент могу перейти ту грань, за которую нельзя заступать.

И холодный взгляд Громова показывает мне, что я очень к ней близка.

Один крохотный шаг – и он вообще меня прогонит. Называть себя мамой Сони очень опрометчиво. Я не должна так говорить, лучше избегать этой темы – для всеобщего блага.

– Я хочу только одного, – продолжаю, видя, что он молчит, – чтобы она прошла этот путь не одна.

«Вдруг она не пройдет этот путь, – заканчиваю фразу мысленно, потому что я не в состоянии говорить вслух то, что витает в воздухе. – Вдруг это ее последние дни, она не должна быть без меня».

– Только ради Сони, – сухо выдавливаю из себя Демид и пропускает меня вперед, когда я, тихо предупредив няню о нашем уходе, устремляюсь за ним.

Мы едем в больницу по оживленному городу, но меня не интересуют виды чужих улиц, я думаю лишь о Соне и о том, как несправедлив этот мир. Почему страдает маленькая девочка, а не злодеи и убийцы?..

В светлой элитной клинике нас уже ждут. В таких заведениях, в отличие от бюджетных клиник, ты чувствуешь себя дорогим гостем, к тебе внимательны, знают по именам, вежливо, угодливо улыбаются и стараются обеспечить полный комфорт во всем.

Только вот меня больше всего интересует профессионализм доктора, который будет лечить Сонечку. Я вдоль и поперек прочитала сайт медицинского центра, просмотрела список врачей, досконально изучила особенности нового метода лечения, но, конечно же, хочется услышать лично, что скажет лечащий врач.

Когда нам представляют доктора Майю Гольден, Демид кивает в знак приветствия, а я неуверенно улыбаюсь, ожидая, что придется с трудом понимать термины на английском, но высокая, красивая женщина радуется знанием русского языка на приличном уровне. Она провожает нас в кабинет и предлагает присесть в кресла напротив стола, сама же устраивается за свой рабочий стол, весь обложенный внушительными папками с документами.

– Мы обеспечиваем индивидуальный подход к каждому пациенту, – начинает доктор свою речь после знакомства и слов о том, как она рада, что мы выбрали эту клинику, тем самым сделав правильный вывод. – Выбранный вами метод очень щадящий для девочки, но все равно, ей придется непросто, и обоим родителям лучше быть рядом, особенно в первые дни.

– Я останусь настолько, насколько нужно, – говорю пылко, позабыв обо всем: и о том, что у меня маленький ребенок, и о том, что Демид может быть против, лишь бы наши надежды оправдались.

Громов ощутимо напрягается рядом, но его, да и мои, эмоции сейчас не имеют значения.

– Тогда пойдемте, я покажу вам палату. Соня как раз будет ужинать.

Демид

Соня радуется нашему приходу, словно мы не виделись не пару часов, а минимум неделю. Понимаю ее беспокойство, ведь она сейчас находится в незнакомой обстановке. К прошлой больнице и врачам моя малышка уже привыкла и чувствовала себя раскованно, а тут ощутимо теряется, когда медсестра обращается к ней на не слишком хорошем русском.

– Мама, папа! Вы пришли!

– Ну, конечно, пришли. Мы же обещали! – улыбаюсь я, подходя к кровати и подхватывая ее на руки.

Осторожно, как давно приучил себя делать. Целую в макушку и стараюсь не слишком сильно сжимать, хотя рефлекторно хочется прижать к себе покрепче и не отпускать.

– Как ты себя чувствуешь, моя сладкая булочка? – спрашивает Эля, садясь рядом со мной на кровать и беря Соню за руку.

Их пальцы перекрещиваются, и руки ложатся на мое колено, потому что Соня все еще у меня на руках, отчего я непроизвольно напрягаюсь. Прикосновение Эли отдает знакомым теплом даже сквозь ткань брюк, и я чувствую отвращение к себе за такую реакцию. Они мило

щебечут, а я не могу отвести взгляда от этой руки с тонкими пальцами и аккуратными короткими ногтями.

Не думал, что мне будет настолько трудно, когда поступился гордостью и попросил ее о помощи. Когда Эля рядом, приходится все время напоминать себе, почему я ее ненавижу. Делать это на расстоянии было легче, потому что ее присутствие не волновало и не сбивало с толку.

Я ведь верил ей.

До последнего верил, как наивный идиот, и даже сейчас не могу понять, как она могла так поступить. Приходится напомнить себе нашу последнюю встречу перед ее родами. Каждый раз, когда заставлял Алика у нас дома, придя с работы. То, что они всегда стремились к близости – обнимались, держались за руки. Навещали вместе ее чертову мать!

«Алик мне как брат», – говорила Эля, и я верил.

Все в это верили. Ведь они были знакомы с детства, и если бы хотели быть вместе, то у них был шанс задолго до моего появления в жизни Эли. Чего я не знал, так это того, что им недостаточно было любви друг друга. Алик с Элей хотели денег. И они их получали.

Стоит только вспомнить, сколько переводов сделала ему Эля за эти годы, как кулаки сжимаются от ярости. А я ведь даже не проверял ее траты! Если бы не додумался нанять детектива, то даже не узнал бы об этом!

Но даже тогда я искал ей оправдания, как тупой влюбленный щенок. Вот только тест ДНК поставил все на место. Дмитрий оказался не моим сыном, и нашему браку пришел конец. Как и дружбе с Аликом.

– Послушай себя со стороны, Демид, – вещал мне тогда этот урод. – Это же Эля! Неужели ты думаешь, что она способна на измену? Вы же прожили вместе три года! Достаточно, чтобы узнать человека «от» и «до».

Он говорил правильные вещи, и я бы усомнился, если бы его не выдал язык тела. Алика я знал дольше Эли и прекрасно мог понять, когда он лгал и изворачивался. И выдавая свою речь, этот мошенник явно нервничал. Глазки бегали, а пальцы подрагивали от волнения. Он даже не мог прямо встретить мой взгляд, трус!

– Ну, ладно, ты не веришь мне. Допустим, я подонок. А как же твоя жена? Эля – это Эля. Любой, кто ее знает, скажет, что ты бредишь. Она же такая хорошая, чистая девочка! Так любит тебя и Соню.

Упоминание Сони стало последней каплей. Того, что они играли на чувствах моего ребенка, заставив ее поверить в то, что у нее есть любящая мать, я простить не мог.

– Заткнись! – зарычал я, хватая его за грудки. – Просто заткнись, Алик! Или я за себя не ручаюсь. Тебе мало было того, что ты получил в прошлый раз? Хочешь повторения? Потому что у меня так и чешутся кулаки...

– Ты больной, Демид! – отталкивая меня, закричал этот трус. – Не трудись, я уйду. Вообще не надо было приходить, но Элю пожалел, а зря. Избавиться от такого ненормального будет для нее лучшим вариантом. Как бы тебе не пожалеть, когда станет слишком поздно.

– Убирайся! Уж об этой расчетливой интриганке я не пожалею.

Это был второй наш разговор, первый прошел не так гладко. Я сорвался и отыгрался на нем. Но гаденыш умудрился подсторожить меня у офиса. Переживал за свое существование, оставшись без работы в моей компании и без дойной коровы.

С Элей я после этого виделся лишь раз – когда разбирались с разводом. Папа тогда задействовал все свои связи, чтобы решить этот вопрос побыстрее и без заморочек. Я тогда не совсем трезво воспринимал действительность, запомнил только, что назвал ее новорожденного сына отродьем. Она, видимо, тоже запомнила.

– Не хочу! – возвращает меня в действительность недовольный голосок Сони.

– Но хоть немного ты должна поесть, Сонечка, – упрашивает Эля, и ее нежный голос бьет по нервам.

Аккуратно ссаживаю дочь с колен и встаю.

– Я сейчас вернусь. Поешь, Соня. Ты знаешь, что должна слушаться. Помнишь наш разговор?

– Да, папочка, – смиряется малышка, а Эля полощет меня неприязненным взглядом.

Игнорирую ее и выхожу подышать свежим воздухом. Не ей учить меня, как обращаться с дочерью. Я готов день и ночь сюсюкаться с Соней, но ей это не поможет. Она ребенок, она не понимает, что ее мучают ради ее же блага. Отказывается от еды, истерит из-за уколов. В таких случаях помогает только строгий подход. Мне и самому стремно, но это ради ее же блага. И уж точно не такой, как Эля, меня осуждать!

Глава 8

Эля

Выдержка трескается по швам. Не могу собрать себя в кучу, не могу больше слушать слова доктора. Мне нужно на воздух, нужно прийти в себя, и я, быстро извинившись, покидаю кабинет, прислоняясь по стенке, а потом сползая по ней вниз на холодный кафель пола и утыкаясь лицом в ладони.

Одно дело – знать, что твой ребенок болен, просто знать название болезни, но видеть Сонечку улыбающейся и живой. А другое – в мельчайших подробностях слышать названия процедур, про этапы лечения, прогнозы, перспективы и риски. И представлять, представлять...

Голова кружится, тугая веревка словно стягивает шею, стискиваю зубы до боли, сжимаю губы, чтобы не разрыдаться, оглашая пустой коридор с приглушенным светом громким воем убитой горем женщины.

Но нет, так нельзя. Мысленно даю себе хлесткую пощечину и заставляю тело встать, пойти куда-то, подальше от кабинета. Если Демид сейчас из него выйдет, я, ослабев от боли в душе, кинусь к нему на грудь за утешением.

Нет, этому не бывать! Я не опущусь настолько.

Завидев вдали большой кофейный аппарат, спешу к нему, сжимая в руках сумочку. И только дойдя, понимаю, что у меня нет иностранной валюты. Даже кофе не могу себе купить. А он бы привел меня в чувство.

Лбом прислоняюсь к пластиковой обшивке огромной бандуры, где находится вожаемый напиток. Нет, я не хочу пить, мне просто нужно чем-то занять руки, совершать какие-то действия.

– Вам помочь?

С удивлением поворачиваю голову, слыша мужской голос, на чистом русском с приятным акцентом, обращающийся ко мне. Напротив стоит высокий черноволосый мужчина в больничной зеленой робе и шапочке. Его невероятные голубые глаза смотрят на меня, полные губы улыбаются. Невольно отвечаю такой же улыбкой. Обаятельный доктор, да еще и говорит по-русски. На табличке значится латиницей: «Таранов Лука».

– Я Лука, медбрат этой клиники, – спешит представиться мужчина, складывая руки на уровне бедер и раскачиваясь с отчего-то довольной улыбкой, которая смущает.

– А я мама одной пациентки. Эля, – отвечаю скороговоркой, потому что нужно же что-то сказать.

– Вы хотели кофе? Капучино? С молоком? Дайте, я угадаю, – деловито спрашивает он, бодро подходя к кофейному чудо-аппарату и вытаскивая из кармана монетки. Верх формы без рукавов обнажает мускулистые руки с черными волосками.

– Я... – хмурюсь, потирая лоб, потому что я вроде как разговариваю, реагирую, но внутри все тот же заторможенный робот, у которого засбоили все программные настройки.

– Латте, все женщины любят латте, – уверенно кивает Лука и ловко нажимает кнопки, ставит стаканчик в специальное отверстие.

Улыбка не сходит с лица. У него прекрасное настроение, и это так не вяжется с моим состоянием и обстановкой больницы, что мне немедленно хочется уйти и покинуть общество этого улыбчивого человека.

Когда-то я была такой... Когда-то радовалась самым простым вещам, наслаждалась жизнью и хотела, чтобы все вокруг поняли, что не из-за чего грустить, если ты здоров, имеешь друзей, любимых и интересные занятия...

– Хорошо, спасибо, – выдавливаю из себя, наблюдая, как струя ванильного цвета льется в коричневый стаканчик, а потом медбрат подает мне ее, осторожно держа в руках.

– Смотрите не обожгитесь, – предостерегает, а потом показывает на какую-то дверь. – Кафетерий еще закрыт, но могу предложить комфортабельные условия комнаты для персонала, – приглашает улыбчивый медбрат, делая и себе порцию обжигающего напитка. – Вам, наверное, интересно, что забыл русский в израильской клинике. Это очень запутанная история...

Мне совсем неинтересно ни это, ни посиделки с медбратом, будь он хоть трижды обаятелен и имей в арсенале истории со всего мира. Все, чего я хочу, это сесть и в спокойной обстановке выпить кофе и позвонить няне. Узнать о своем ребенке, а потом выяснить, в каком режиме мы будем посещать клинику и какие процедуры будут первыми и когда именно...

Неужели он не понимает, что здесь люди не просто праздно проводят время! Здесь матери и отцы больных детей, которым не до банальных и пустых разговоров! Или у него тактика такая, чтобы всех своими улыбками подбадривать? Так вот, в моем случае это не работает.

Я уже намереваюсь в вежливой форме дать понять медбрату, что его общество мне сейчас не нужно, и уже было открываю рот, но Лука, неверно истолковав мое молчание, открывает какую-то дверь сбоку, подталкивает меня к ней и зачем-то ненароком приобнимает за талию, кладя большую руку плашмя на поясницу.

Не успеваю отреагировать и отойти, ничего не успеваю. Открывается дверь кабинета врача Сони, оттуда выходит Демид. По его виду понятно, что он в точно таком же состоянии, в котором была я, когда покидала стены этого кабинета, но он видит меня и резко останавливается.

Его пристальный цепкий взгляд быстро пробегаются по мне и медбрату, останавливается на стаканчиках кофе в наших руках, а потом черные, полные ярости и негодования глаза Демида впиваются в меня с немым вопросом.

Медбрат отшатывается, сразу же оценив обстановку и приняв решение отступить. Юркает в свою каморку, куда так беззастенчиво меня приглашал, пробормотав, что мы можем позже поболтать, и закрывает дверь. Я же остаюсь один на один с разъяренным тигром, который быстрой походкой идет ко мне. Чеканит шаги по полу, звук удара подошв о пол гулко отдается в тишине. Голова Демида наклонена вниз, лицо напряжено. От испуга я дергаюсь назад и натыкаюсь на ряд сидений, установленных в коридоре. Черт. Стаканчик без крышки трясется в моих руках, а слабые пальцы неспособны его крепко держать, и горячий кофе проливается мне на руку.

Демид

Ярость застилает глаза, когда вижу, как Эля позволяет лапать себя медбрату. И тут нашла себе мужика, вертихвостка!

Направляюсь к ней, чтобы разъяснить, что к чему, когда она проливает кофе на руку и шипит от боли, отбрасывая стаканчик в урну. Несмотря на злость, не раздумывая беру ее за запястье и тяну в находящийся рядом туалет, где подставляю обожженные пальцы под струю холодной воды, но, осознав, что именно делаю, отпускаю и отхожу на пару шагов.

Это получилось неосознанно. Я привык заботиться об Эле, потому что всегда считал ее непригодной, не зная, как на самом деле работает ее мозг и что вся эта беззащитность – всего лишь маска.

Эля смотрит на меня так, словно я сделал что-то, чего она не ожидала, и этот взгляд заставляет меня напрячься. Пусть не считает за заботу, потому что мне плевать на ее боль. Я просто забылся и сделал это на автомате.

– Перестань вести себя как дешевка! – требую, окидывая ее откровенно брезгливым взглядом. – Ты здесь не для того, чтобы цеплять мужиков. Я этого не потерплю.

– Я больше не твоя жена и ты не можешь мне указывать! Попридержи свои тиранские замашки для своей девушки, – возмущается она, отключая воду.

– Ты прилетела сюда на мои деньги и живешь в квартире, которую оплатил я. Начнешь выделываться – я мигом избавлюсь от тебя. Не хватало мне терпеть еще и твоих ухажеров! Хватит с меня и этого вечно орущего дьяв...

– Ни слова о моем сыне, Демид! – разъяренной кошкой шипит она, сжав руки в кулаки. – Можешь говорить обо мне все что хочешь, но сына не трогай. Поверить не могу, что ты настолько опустился! Говорить так о невинном ребенке!

– У этого ребенка отнюдь не невинная мать. Не тебе меня учить морали, Эля. Просто держись подальше от мужиков и ухаживай за нашей дочерью. Именно для этого я тебя и привез, если помнишь.

Она тяжело дышит, глядя на меня так, словно вот-вот набросится с кулаками.

– Я не виновата в том, что у моей дочери такой тупой отец! Ты не видишь дальше своего носа, раз решил, будто я флиртую в такой ситуации. Десять минут назад мы разговаривали о прогнозах Сони, и ты действительно думаешь, что я после этого пошла заигрывать с первым попавшимся мужчиной? Я – не ты!

– И что это значит? – не верю своим ушам. – Ты обвиняешь меня в чем-то? Ты?!

– Я ни в чем тебя не обвиняю, мне на тебя плевать! – уже несдержанно кричит Эля. – Ты можешь завести хоть целый гарем из своих бывших, но не смей обвинять меня без повода только потому, что тебе что-то там показалось!

Она выглядит так, словно вот-вот заплачет. Кончик носа уже покраснел, а глаза стали влажными. Однако Эля продолжает нести какую-то чушь, и я не понимаю, какого черта она делает, потому что в этом нет никакого смысла.

– И что же мне показалось? – обманчиво спокойно спрашиваю я. – Ты не шла в комнату для персонала в обнимку с медбратом? Не вы мило ворковали за стаканчиком кофе? Он не лыбился как придурок, лапая тебя?

– Нет! Человек увидел, что я расстроена, и купил мне кофе, предложив попить его в спокойной обстановке и прийти в себя. Или мне теперь и заговорить ни с кем нельзя без голословных обвинений непонятно в чем?

Я открываю рот, чтобы ответить, но она, видимо, решает, что разговор окончен, потому что направляется к выходу. Не так быстро!

Хватаю ее за предплечье и толкаю к стене, нависая сверху и упираясь ладонями по обе стороны от ее головы. Теперь не уйдет.

Эля смотрит на меня широко раскрытыми глазами, снизу вверх, и из-за разницы в росте я чуть ли не утыкаюсь носом в ее макушку. Волосы, собранные в тугой хвост, пахнут жимолостью, и этот запах ударяет меня прямоком в солнечное сплетение, заставляя затаить дыхание.

Какого черта я вообще к ней прикоснулся? Как мог допустить такую близость? Это ловушка, в которую сам себя загнал, потому что достаточно ощущения ее дыхания у шеи, чтобы по телу начало разливаться знакомое возбуждение.

Невольно наклоняюсь ближе, и Эля закрывает глаза, судорожно вдыхая сквозь приоткрытые губы. Они мягкие и влажные, нижняя заманчиво пухлая, и я помню, какая она на вкус,

но всего в паре сантиметров от соприкосновения с ней своими губами осознаю, **что** я делаю, и с ругательствами отстраняюсь, вылетая из туалета, словно преступник с места преступления.

Глава 9

Эля

Сколько себя помню, у меня всегда был один-единственный друг. Алик. С детства мы играли вместе, в университете он присматривал за мной, а когда случилась беда, он поддержал меня, как никто. Мы всегда выручали друг друга, он тот, кто никогда не предавал, был рядом и не осуждал. И сейчас, когда я все еще дрожу после стычки с Демидом в больнице, я хочу услышать его голос.

Провозившись с раскапризничавшимся малышом, наконец укладываю его спать, а потом иду в ванную, чтобы закрыться, смыть с себя горести дня в душе, а потом в тишине поговорить с Аликом. Пока намыливаюсь ароматной пеной, не перестаю размышлять, переживать. Голова гудит, вереница мыслей носится по десятому кругу.

Меня преследует чувство вины за те неприятные ощущения, которые у меня возникли во время его визита к нам домой перед отлетом в Израиль. Его поведение показалось мне странным, взгляды – липкими, прикосновения вызывали неприязнь, а слова – раздражение.

Я была взвинчена после приставаний Збруева и ругани с матерью. Теперь Алик кажется мне островком спокойствия, мне так хочется, чтобы хотя бы кто-то посочувствовал мне и подарил тепло. Вместе с тем я не могу вываливать на него все свои беды, не имею права, потому что не услышу ничего нового, кроме того, что он предупреждал меня насчет Демида.

Помню, как он кричал на меня, что спуталась с человеком с маленьким ребенком, порчу себе жизнь, гроблю будущее. Наверное, Алик был прав, только я не могу и не хочу жалеть о прошлом, а время не отмотать назад. Я просто пытаюсь понять, как в этой жизни найти ориентиры, за которые могу держаться. Алик – мой ориентир сейчас, больше никого нет. Если он отвернется от меня, то я останусь совсем одна в этом мире.

Мой голос звучит глухо и раздается эхом по ванной комнате, и я очень надеюсь, что меня не слышно снаружи. Вряд ли Громов стал бы подслушивать, да и он ушел куда-то, едва привез меня на квартиру. Я была рада, потому что его присутствие стало для меня невыносимым! Ненависть, которая выплескивается из него, невозможно выдерживать. Она меня убивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.